

Е.П. Педчак

Поэт и толпа

Это стихотворение посвящено теме разрыва поэта с современным читателем, одиночества поэта в обывательском обществе. Спор идет между поэтом и «толпой», «чернью» (то есть реакционными обывателями, а также критикой, выражающей их мнения и чувства). «Чернь», хотя и чувствует, что поэт «звучно поет», что его стихи «волнуют, мучат» сердца, не видит, однако, в его поэзии пользы, так как она ничему не учит читателей, не ведет их ни к какой цели. Пушкин раньше в своих революционных стихах, в своих бичующих сатирах и эпиграммах разоблачал пороки крепостнического общества и государства и указывал цель — бороться за свободу народа. Теперь, в эпоху николаевской реакции, он понимает, что от него требуют совсем другого: проповеди, послушания, верности престолу, смирения, христианской морали, и он с негодованием отвергает эти требования. Пушкин знал, что настоящая поэзия (особенно такая, которая раскрывает в своих произведениях подлинную правду жизни) и без авторских поучений, как и всякое настоящее искусство, приносит пользу людям, делает их лучше, умнее, «возвышает душу».

В стихотворении «Поэт и толпа» Пушкин устами Поэта обрушивается с упреками на «толпу», «чернь», которая понимает пользу только как материальную выгоду, не умеет ценить красоту, видя в гениальной античной статуе («кумире») Аполлона Бельведерского только большой кусок мрамора.

Если Пушкин был вполне прав, протестуя против сужения богатого и разнообразного содержания поэзии (и вообще искусства) до узкопрактической задачи — исправления людских пороков (да еще с позиции реакционной морали), то этого никак нельзя сказать о мыслях, выраженных в заключительных строках стихотворения:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Конечно, настоящий поэт пишет «не для корысти», не для денег; конечно, ему необходимо для творчества «вдохновенье». Но остальное содержание этих стихов — декларация «чистого искусства», удаленного от «житейского волненья» (то есть, очевидно, и личного и общественного), от «битв» (от борьбы) и посвященного «сладким звукам и молитвам» — все это и неверно и, главное, решительно противоречит всей поэтической практике Пушкина. И раньше, и в то время, когда писалось стихотворение «Поэт и толпа», и позже — до самой смерти — Пушкин никогда не жертвовал содержанием, мыслью в стихах — «сладким звукам», никаких «молитв» не писал. Все его серьезные произведения полны «житейского волненья» и насыщены борьбой: «Евгений Онегин», «Борис Годунов», поэмы «Полтава», «Домик в Коломне», «Медный всадник», прозаические произведения «Арап Петра Великого», «Дубровский», «История села Горюхина», «Капитанская дочка», «Пиковая дама», почти все небольшие стихотворения... Очевидно, эта декларация отрешенной от жизни, «чистой» поэзии явилась у Пушкина в пылу полемики с реакционными критиками, стремящимися направить его творчество в русло благонамеренной нравоучительной проповеди.